

Проблемы с сознанием¹

Второй номер журнала «Эпистемология и философия науки» за текущий год посвящен философии сознания. Интернет-философ Александр Болдачев уже дал на него рецензию в своем блоге, избавив меня от бремени быть первым.

Сразу отмечу единственный недостаток номера: часть статей опубликована по-русски, часть — по-английски. Я понимаю наукометрическую цель, которую преследовали редакторы номера. Надеюсь, что таковая была достигнута. Но все равно, выглядит это не очень. Мода на такие якобы двуязычные издания появилась в академической среде пару лет назад, но в ней нет ничего хорошего. Я понимаю, что не мне давать такой совет, и, наверное, это гораздо сложнее, но всё же в условиях всеобщей погони за импакт-фактором и Хиршем кажется разумным делать отдельно англоязычную и русскоязычную версии журнала. Впрочем, может быть, это маниловщина.

Во всём остальном номер вышел просто отличный. Он открывается вступительной статьей Игоря Гаспарова и Сергея Левина, посвященной картографированию ана-

литической философии сознания. Это очень добротное введение в проблематику, содержащее не только анализ современной западной ситуации, но и предварительную историю отечественной философии сознания. Так что статья будет полезна тем, кто в будущем возьмется проанализировать этот сюжет более подробно. В тексте есть одно место, которое может ввести в заблуждение, поэтому его стоит упомянуть: «Переводческая активность, в которой особая роль принадлежала А.Ф. Грязнову, привела к появлению на русском языке немало числа книг по аналитической философии сознания ([Райл, 1999; Прист, 2000; Сёрл, 2002; Деннет, 2004; Пинкер, 2004; Чалмерс, 2013])...». У человека, который впервые столкнулся с нашей дисциплиной, может сложиться впечатление, что все эти переводы принадлежат Грязнову, что неверно, хотя Александру Феодосиевичу действительно принадлежит множество переводов, большая часть которых здесь не упомянута. В остальном первая часть номера вышла весьма информативной.

Вторая часть номера посвящена обсуждению статьи Дмитрия Иванова «На пути к объяснению сознания». Иванов предлагает любопытную стратегию решения проблемы сознания. Вместо того чтобы ломать копыя,

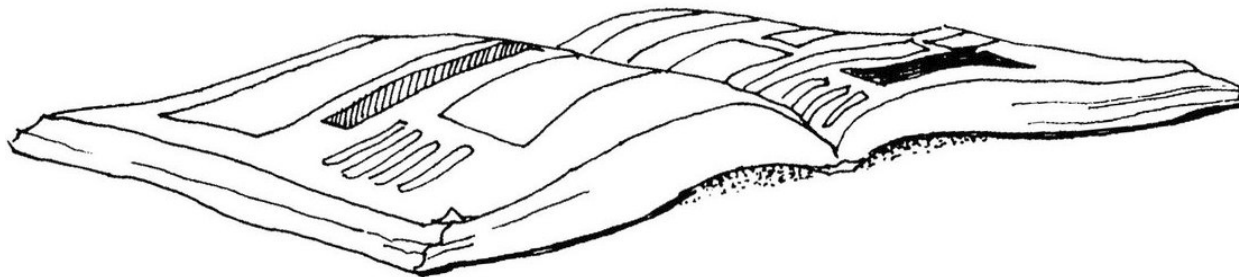

Рецензия на номер журнала «Эпистемология и философия науки», Т. XLIV, №2. Москва: Кнорус. 2015

спора о редуцируемости квалиа, нужно понять, являются ли квалиа внутренними или реляционными свойствами ментальных процессов. Если они являются внутренними, то, считает Иванов, с необходимостью должно быть так, что сценарий инвертированного сектора представим. Но он не представим, так как Витгенштейн доказал невозможность приватного языка. Значит, квалиа не являются внутренними, а существуют благодаря интенциональности и являются отношением между организмом и объектным миром. Лично мне очень симпатична картина, которую рисует Иванов, особенно та роль, которую он приписывает объектам внешнего мира в генезисе сознания. В известном смысле, это сближает его, с одной стороны, с Деннетом, с другой — с отечественной психологической традицией. И хотя каждый тезис в этой статье не кажется мне достоверным, мое желание ознакомиться с главной работой Иванова «Природа феноменального сознания» только усилилось. Увы, она, кажется, стала библиографической редкостью. Уверен, что там он подробно объясняет свою аргументацию, поскольку из рассматриваемой статьи многое непонятно. Например, когда я попытался выявить логическую форму предложенного аргумента, я столкнулся со следующей проблемой. Гаспаров в своей статье замечает, что это *modus tollens*, но я в этом не уверен. Дело в том, что аргумент имеет смысл тогда и только тогда, когда мыслимость инвертированного спектра является необходимой, а не просто истинной. Поэтому я попытался построить доказательство, опираясь на систему S5, но не смог придумать, как вторично ввести оператор необходимости, чтобы сделать вывод аподиктическим. Может, дело в несовершенстве моих навыков. Вторая проблема этого аргумента в том, что не очень ясно, чем тут мог бы помочь Витгенштейн. Я не хочу затрагивать проблему интерпретации этого туманного мыслителя. Эта область представляется мне баром в неблагоприятном районе, где не

очень-то рады видеть чужих. Но мне кажется, что Витгенштейн защищал возможность инвертированного спектра при неизменности поведения, и, кажется, именно в таком качестве его рассматривает Чалмерс [Чалмерс 2013, 331]. Кроме того, сошлюсь на дискуссию между Максимом Шалдяковым и Марией Ананиной в этом и предыдущем номерах ФК. Они напрямую касаются взглядов Витгенштейна на приватный язык, сознание и цветовое восприятие. Есть еще одна проблема, связанная с размышлениями Иванова, но ее я затрону позже. В целом, несмотря на эти незначительные замечания, чтение Иванова и его критиков доставило мне подлинное наслаждение, и я хотел бы проследить развитие этой дискуссии.

Третья, четвертая, пятая, шестая и седьмая части номера — мне не удалось обнаружить тематических различий между ними — связаны с эпистемологией исследования сознания. Обычно статьи на эту тему пучатся множеством определений, различий, тонкостей, а результаты, полученные в этой области, по большей части негативны. Не так в рецензируемом номере. В своей статье Юрий Балашов анализирует проблему восприятия настоящего. В современной метафизике времени принято выделять две группы теорий: А-теории и В-теории. Первые исходят из того, что время состоит из прошлого, настоящего и будущего. При этом прошлое прошло, будущее не определено, значит, остаётся только то, что сейчас — настоящее. Вторые настаивают на том, что более фундаментальными являются термины «до» и «после», а время есть сумма равно существующих моментов «теперь». Автор задается вопросом, где находится вчерашнее ощущение боли. Если мы А-теоретики, то это легкий вопрос: в прошлом. Но для В-теорий это представляет некую проблему, ведь не ясно, что структурирует мою длительность таким образом, что что-то оказывается настоящим, а что-то — прошлым.

Честно говоря, я не совсем понял, какое отношение эти замечательные размышления имеют к теме номера. Стоит отметить статью Д. Н. Разеева «О двух уровнях эпистемологии сознания», написанную удивительно легким и ясным стилем. Автор предлагает различать базовый уровень эпистемологии субъективности, на котором происходили исследования физических фактов и ментальных событий в Новое время, и современный уровень, в свою очередь подразделяемый на эпистемологию редуктивного типа, которая сводит сознание к физическому, и эпистемологию нередуктивного типа, которая придает сознанию особый статус.

Федора Станжевского и Агнесу Иполито объединяет интерес к термину «второе лицо», который вводится по аналогии с такими известными выражениями как «перспектива от первого лица» и «перспектива от третьего лица». Они озабочены тем, что даже самая современная нейронаука заражена вирусом дуализма, рассматривает субъект отдельно от объекта, тогда как на самом деле стоило бы обратить внимание, скорее, на их единство и взаимодействие. Мне представляется введение этого нового термина излишним. Из самой статьи Станжевского, опирающегося на новые, полученные с помощью МРТ данные, следует, что нейроученые прекрасно знают, что природа эволюции такова, что ничто внешнее не могло оказаться искусственно присоединенным к ее продуктам. На мой взгляд, главная ошибка исследователей, прибегающих к понятию «второго лица», состоит в том, что они не различают два типа внутреннего: онтологический и эпистемологический. Эпистемологическое внутреннее — когито Декарта или Гуссерля — было призвано обеспечить аподиктическое знание. Такая стратегия была полностью отвергнута отцами-основателями прагматизма, на которых ссылается Станжевский. Но современные теоретики феноменальных аспектов опыта говорят немного о другом. Для них внутреннее — это онтологическое внутреннее, которое может и не иметь никакой эвристической ценности. Поэтому не стоит смешивать картезианский и современный дуализм. Статья Станжевского, на мой взгляд, ставит важный вопрос: совместимы ли прагматизм и тезис о приватности феноменального опыта? Рорти, например, считал, что прагматизм ведет нас к отрицанию сознания. Мне же кажется, что теория категорий Пирса позволяет говорить о такой совместимости. Согласно Пирсу, любой знак состоит из трех сторон: качества, отношения и репрезентации. Квалиа не только по имени, но и по сути относятся к первой категории, и именно поэтому столь неуловимы для науки, которая устремлена к фиксации

отношений и репрезентаций. Правда, если принять эту точку зрения, мы окажемся перед выбором: либо (1) всё есть знак и тогда мы становимся панпсихистами, либо (2) феноменальные свойства сугубо формальны и их обособление является когнитивной ошибкой, либо (3) природа некоторых существ такова, что качества некоторых их состояний феноменальны, поэтому эти существа склонны к панпсихизму и анимизму по отношению к существам и объектам иного типа, мысля их по собственному лекалу. В своем интервью, опубликованном в настоящем номере, Дерк Перебум похожим образом описывает развязку современной философии сознания. Он, однако, не называет третьей опции, которая кажется мне весьма привлекательной.

Довольно остроумную статью представил Джеймс Гриндленд. Статья посвящена аргументу препятствий (blockers) Джона Хоторна. Последний направлен против определения физикализма, которого придерживаются Джексон и Чалмерс. Сам аргумент весьма интересен. Мы считаем, что физикализм верен в том мире, для которого верно, что точное воспроизведение всей совокупности физических фактов достаточно, чтобы повторить весь этот мир во всем его многообразии. Однако интуитивно ясно, что для каждого события существуют препятствия, которые затрудняют его появление. Теперь допустим, что для ментальных событий есть специальные ментальные, нефизические препятствия. Значит, если мы повторим всю совокупность физических фактов и у нас возможны такие нефизические препятствия, то мир 2 будет отличен от исходного, а значит исходное определение ложно. Контраргумент Гриндленда состоит в том, что такие нементальные препятствия невозможны. Не уверен, правда, что это удачный ход, но тут мне еще предстоит поразмыслить.

Очень сильной получилась статья Марии Секацкой «Почему разрыв в объяснении не является решающим аргументом против натурализма в философии сознания». Она использует прием, характерный для физикалистов — перенос обсуждения с человеческого материала на нечеловеческий. Обычно разрыв в объяснении видят в том, что из всей совокупности физических фактов не выводимо, что я прямо сейчас ощущаю боль в спине. Мария предлагает подумать не о философии сознания, а о теории пространства. Ведь из всех положений ОТО нельзя вывести, что сейчас я сижу на маленьком балкончике в Строгино и пишу эту рецензию. Значит, мы либо принимаем, что такой разрыв есть во всех теориях и говорим о трудной проблеме в физике, в химии, в биологии и т.д., либо смиря-

емя с таковым в философии сознания. Самым глубоким в статье Секацкой мне кажется объяснение природы этого разрыва. Дело в том, что и т.н. квалиа, и мое нынешнее положение в пространстве задаются остензией, а наука оперирует общими принципами и обобщениями фактов. Я коснусь этого вопроса ниже.

С. Ф. Нагуманова же, напротив, пытается показать, что подлинной проблемой философии сознания является разрыв в объяснении, а вовсе не трудная проблема. В своей статье она предполагает, что нашей дисциплине будет полезно заменить понятие «сознание» понятием «феноменальная репрезентация» и выдвигает аргументы против формулировки трудной проблемы. Чтобы устранить разрыв, нам нужно описать и репрезентацию, и физический мир в нейтральных, математических терминах, чтобы, наконец, сделать нашу науку объективной. Совершенно противоположной позиции придерживается Диана Гаспарян, раскрывая, что значит быть трансценденталистом в философии сознания. Героями её статьи стали Хомский, Левин и МакГинн. Статья состоит из множества небольших и весьма интересных ходов, которые я не имею возможности подробно раскрывать в настоящей статье. Тех, кто хочет ознакомиться со взглядами Гаспарян и критикой на них, отсылаю к обзору Антона Кузнецова, опубликованному в ФК №5 за 2013 год.

Одной из самых больших удач номера стала статья Дмитрия Волкова, посвященная критике аргумента каузальных траекторий (АКТ) профессора В.В. Васильева. Этот аргумент направлен на защиту локального интеракционизма, позиции, согласно которой, сознание каузально эффективно на локальном уровне, но не имеет силы в масштабах всей вселенной. Аргумент состоит из трех посылок. 1. Любые одинаковые события могут иметь разные причины. 2. Наша память отражает нашу каузальную историю. 3. Наше поведение скоррелировано с нашими желаниями. Объединяя посылки, Васильев утверждает, что сознание обладает каузальной эффективностью на локальном уровне. Волков пытается расширить первую посылку так, чтобы аргумент мог работать и на глобальном уровне. Кажется, ничего незаконного в этом нет. Но это значит, что теория Васильева просто абсурдна, ведь она ведет к размыканию каузальной замкнутости физического и индетерминизму. Автор, однако, предугадал такой ход и создал два специальных стоп-крана, которые не позволят АКТ зайти слишком далеко. Первый из них получен методом феноменологической дедукции, и Волков выносит его за скобки как нерелевантный аналитической философии. Второй же основан на анализе спецификации

события. Васильев утверждает, что чем более абстрактно мы представляем себе событие, тем больше возможных его причин мы способны обнаружить. Но самые конкретные, сингулярные события, имеют только одну причину, так как они максимально специфицированы. К таковому он относит и Событие, то есть всю совокупность физических фактов. Волков оспаривает этот анализ. Совершенно не очевидно, что спецификация как-то уменьшает количество причин, что уже ставит АКТ под угрозу. Но есть и другой, решающий способ показать, что он ложен. Если заменить тут человека на компьютер, то, утверждает Волков, ничего не изменится. Состояние компьютера так же может быть вызвано разными причинами, память его так же хранит каузальную историю, а поведение связано с этой памятью. А значит АКТ ведет к ложности логической глобальной супервентности, что абсурдно и чревато дуализмом. Изначальный аргумент, таким образом, ложен. Это рассуждение выглядит правдоподобно. Как и Волкову, мне всегда было трудно представить себе онтологию, к которой приходит Васильев — как это так, глобально сознание у нас натуралистично, а на локальном уровне нет?

Статья Волкова усилила мое убеждение в том, что ученики профессора Васильева делятся на две группы. Те, кого можно назвать правыми васильевцами, интересуются в основном философией сознания Васильева, локальным интеракционизмом. Они склонны к мыслительным экспериментам, строгим формулировкам и часто ссылаются на данные позитивных наук. Это Дмитрий Волков, Антон Кузнецов и, в меньшей степени, Ангелина Дмитриева. Их можно назвать васильевцами второй и третьей глав трактата «Сознание и вещи» [Васильев 2014]. Левое же крыло партии больше ориентировано на первую главу, на феноменологический метод Васильева. Это Диана Гаспарян, ваш покорный слуга, в некоторой степени Артём Беседин и Александр Мишура, которого можно характеризовать как сочувствующего.

Вообще, один из уроков этого номера состоит в том, что, как и во всем мире, в России множества физикалистов и аналитических философов практически совпадают. Современный физикализм — невероятно захватывающее направление. Если бы кто-то сегодня вздумал переписать начало «Исследования о человеческом познании» [Юм 2009, 6-16], то обязательно бы упомянул, что в наши дни, как и во времена Юма, философия делится на изящную, представляющую человека как создание действующее, и метафизическую, для которой человек, прежде всего, есть существо мыслящее. Сегодняшняя изящная философия имеет два вида. Это высокотехнологичный натурализм

и ветхозаветный литературоцентризм. Ко второму я бы отнес таких разных авторов, как Ален де Боттон, Федор Гиренок, Дмитрий Галковский, Максим Горюнов, Стэнли Кэвелл, Корнел Уэст, Рэндалл Кеннеди, Стэнли Фиш и т.д. Если раньше изящная философия была связана с тонким литературным стилем, то теперь она требует еще и умения обобщать данные естественных наук. Даже современные дуалисты склоняются к натурализму настолько, насколько им позволяет их вера. Это убедительно показано в рецензии на свежий сборник по дуализму, данной Игорем Гаспаровым в обозреваемом номере ЭиФН. Причинами такого раздвоения изящной философии, как мне кажется, были резкое увеличение количества профессиональных философов во второй половине XX века (в 1940 году в Американской философской ассоциации было 747 членов, а в 2006 — 11200), сопутствующая этому профессионализация писательского ремесла и, конечно, успехи позитивных наук.

Мне представляется, что у трех самых интересных для меня физикалистских статей в номере — Иванова, Секацкой и Волкова — есть нечто общее. Начнем с Иванова. Дмитрий полагает, что цель философии сознания в том, чтобы предложить анализ некой совокупности свойств, которые мы называем феноменальными. В идеале этот анализ не должен ничем отличаться от аналогичного анализа в химии или физике: общие законы и объясняемые им факты. Это положение несколько корректируется замечанием Секацкой: квалиа являются специфическими свойствами, которые задаются не как объекты естественных наук, а путем остенсии. Я согласен с этим. Мария полагает, что из этого следует, что такие объекты не поддаются общему рассмотрению, а значит, не стоит обращать на них внимание. Я делаю противоположный вывод. Я согласен с теми философами, которые полагают, что феноменальные свойства являются уникальными и не вписываются в современные физические модели, и тем хуже для этих моделей. Вернемся к аргументу Секацкой. Задача теории пространства состоит вовсе не в том, чтобы объяснить причины моего присутствия в Строгино. Поэтому она и не может дать такого объяснения. Но проблема в том, что мы действительно пользуемся индексальными терминами и остенсией. И это пользование не является хаотическим. Физика может дать множество функций для связи релятов, но сами эти реляты специфицируем мы. Поэтому теория сознания является царицей метафизики, а метафизика — царицей физики. Эта царственность состоит, конечно, вовсе не в том, что философы должны учить физиков, но в том, что философы показывают, как

работает аппарат физики. А он основан на таких понятиях как «тождество», «причинность», «существование» и прочее, и поэтому не может сам из себя прояснить эти понятия. Если их использование является случайным, то ни физика, ни что другое не является наукой. Если же в этом использовании можно обнаружить некую систему, то метафизика возможна, а, значит, возможна и вся остальная наука. Метафизика должна дать общее объяснение употреблению индексальных терминов через анализ понятия тождества.

По схожим причинам я не могу принять и аргументацию Дмитрия Волкова. Я согласен, что, если отделить АКТ от феноменологии Васильева, то довод будет уязвим. Но именно поэтому АКТ следует после анализа базовых понятий. Для левого крыла васильевцев эта статья полезна еще и потому, что позволяет увидеть огромную дыру в васильевской феноменологии. Мне кажется, основным недостатком последней — это недооценка веры в тождественность объектов и отсутствие анализа этой веры. Если нам удастся правильно проанализировать эту веру, то это будет полезно и для философии сознания. Мне кажется, что отличие между АКТ и АКТ-2 (который про компьютер) в том, что в первом случае мы сами участвуем в процессе спецификации релятов, которые составляют три посылки. Есть некая странность в том, что полностью детерминированными оказываются у Васильева предельно конкретное единичное событие и предельно абстрактное всеобщее Событие. Мне кажется, что тут дело в том, что мы переносим ту операцию, которую привыкли совершать по отношению к единичным событиям на всеобщее, не мысля при этом последнее в деталях. Возможность по-разному задать реляты делает их сверхдетерминированными, поскольку на этом уровне мы имеем в распоряжении многообразие «неиспользованного» чувственного опыта. В случае же с Событием, мы специфицировали его и предшествующее состояние вселенной так, что больше уже ничего не осталось, никакой вариативности. Поэтому у нас нет другой возможности, кроме как мыслить его детерминированным, даже если у нас есть аргументы, доказывающие, что на локальном уровне этот детерминизм иначе организован.

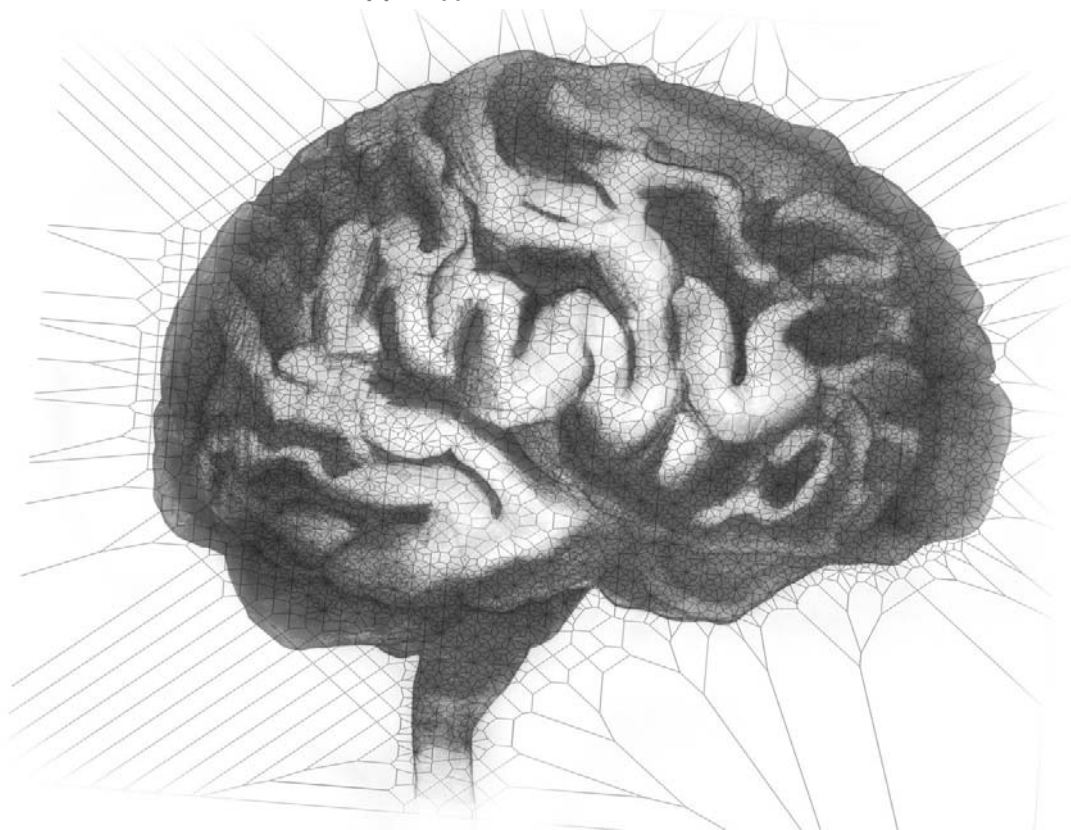
Мне давно пора завершать рецензию, так что я, к стыду своему, пропущу статьи Жозе Пошера, Бен Чжао и Рене Ягну, хотя там излагается критика на интересный феноменологический аргумент. Номер завершается переводом Андрея Веретенникова из Александра Бэна. Сейчас Бэн больше известен как автор, повлиявший на Пирса.

Но чтение этой статьи может многому научить. Сразу заметно, как наивны были пионеры психологии, и какие глубокие прозрения их посещали. Я стал лучше понимать корни учения Джеймса о сознании как внимании и необходимость той критики, которую Райл адресовал популярным в его время концепциям ментального, а также истоки картезианского театра Деннета. Это в высшей степени поучительная и полезная статья.

Я благодарю авторов номера и редколлегию за три дня удовольствия, которые принес мне результат их труда. Надеюсь, что другие отклики на него будут более продуманными и беспристрастными.

Евгений Логинов

**Художники:
Марина Иванкова
Анна Давыдова**

Литература:

Васильев 2014 – Васильев В.В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М.: Книжный дом «Либерком». 2014

Чалмерс 2013 – Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «Либерком». 2013

Юм 2009 – Юм Д. Исследования о человеческом познании. М.: «Канон+». 2009.